

В. В. Лапаева¹

ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (Сравнительный анализ российской и западноевропейской правовой мысли)

Вся история развития юриспруденции — это история противоборства различных типов правопонимания², то есть различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как особого явления социальной жизни. Знание истоков и характера доминирующего в стране типа правопонимания — это ключ к познанию ее правовой культуры и осмыслению ее цивилизационной идентичности в целом. Применительно к России такое познание невозможно без сравнительного анализа западноевропейской и российской правовой мысли, потому что начиная с эпохи русского Просвещения Россия всегда осознавала и идентифицировала себя в сопоставлении с Европой³.

Подход к пониманию права в России всегда отличался заметным своеобразием по сравнению с западной философско-правовой культурой, истоки которой коренятся в древнегреческой философии и римской юриспруденции. Главным стержнем западной философии права является ее гуманистическая, человекоцентристская ориентация, понимание права как формы индивидуальной свободы человека в общественной жизни. Русская же правовая мысль развивалась во многом под влиянием системостратегической в своей основе византийской духовной традиции, в рамках которой право трактовалось как некая стоящая над человеком и подчиняющая его форма духовного единения людей на базе правды-справедливости, божественной благодати, христианской этики и т. д.

Греко-римский подход к праву как способу упорядочения общественной жизни на основе индивидуальной свободы изначально был чужд российскому менталитету. Даже в «золотой век» отечественной философии, пришедший на конец XIX — начало XX века, человекоцентристское правопонимание не занимало в ней сколько-нибудь значительной по-

зиции. В трактовке ключевой для правопонимания проблемы общего блага доминировал не универсалистский (западный), а соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось не как условие блага каждого, а как некое высшее, господствующее над индивидом начало⁴.

Приверженцы наиболее авторитетного в отечественной философии права морально-религиозного направления, которых можно, по-видимому, рассматривать как выразителей неких фундаментальных особенностей российского менталитета, трактовали общее благо как форму проявления стоящих над индивидом нравственно-религиозных ценностей милосердия, правды, социальной справедливости и т. д. Подобное общее благо составляет, по их мнению, основы человеческой солидарности, достижение которой требует от каждого индивида ограничения его индивидуальной свободы. С позиций такого подхода право рассматривается как подчиненное, вторичное (можно сказать, второсортное) начало по отношению к нравственности.

Истоки расхождений между западноевропейской и российской традициями правопонимания специалисты видят в глубинах религиозно-философской антропологии, где формируется специфический для византийско-московского православия подход к оценке человека не по деяниям его, а сквозь них, по принципу «не важно, что ты делаешь, важно, кто ты есть»⁵. Этот критерий оценки человека, воспринятый российской философско-правовой мыслью, предопределил, как справедливо отмечает Э. Ю. Соловьев, свойственное ей «высокомерное презрение к новоевропейской политико-юридической культуре»⁶, для которой человек — это прежде всего совокупность его поступков.

Тем не менее трудно согласиться с выводом автора, что «русская философия — сомнительный и ненадежный союзник в нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру»⁷. Проблема заключается в том, что борьба за право в России обречена на поражение, если не будет найдена надлежащая концептуальная стыковка рационализма западной философско-правовой традиции, в основе которой лежит «римская идея» абстрактного, обезличенного (а потому и всеобщего) формально-правового равенства, с идущей от раннего христианства «русской

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 150 научных публикаций, в т. ч. книг: «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Право и политика: из научной публицистики», «Право и многопартийность в современной России»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права»; ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». На протяжении многих лет занималась экспертизой законопроектов в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Член редколлегии журналов «Социологические исследования» и «Науковедение».

² Тип правопонимания представляет собой специфический для юриспруденции вид научной парадигмы, содержащей принцип упорядочивания знания о праве и обеспечивающей единство и внутреннюю непротиворечивость процесса познания в рамках заданной парадигмы.

³ Межуев В. М. Россия в диалоге с Европой. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4797.htm>

⁴ «В отсутствие свободных индивидов, общего правопорядка и государственной организации публичной власти, — писал В. С. Нерсесянц, — понятие “благо” в России относилось к трансцендентальной божественной сфере, а не к делам мира сего, не к светской области, не к организации социальной и политической жизни людей, не к их правам, свободам, интересам». См.: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2006.

⁵ Синченко Г. Ч. От митрополита Илариона до Н. А. Бердяева. Тысячелетний оксюморон русской философии права // Философия права. 2000. № 1. С. 16, 18.

⁶ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 232.

⁷ Там же. С. 234.

идеей» ответственности каждого не только за себя, но и за других¹.

Именно осознание того, что рациональное начало «римской идеи» должно быть взаимоувязано с солидаристскими основаниями «русской идеи» в рамках единого подхода к правопониманию, обусловило постоянный интерес отечественной философии права к выработке такого понятия права, которое согласовывало бы между собой индивидуальную свободу как личное благо и социальную справедливость как общее благо. Однако возможность подобного синтеза отечественные философы связывали лишь с нравственным самоограничением индивидуальной свободы ради социальной справедливости.

Принципиально иной подход к решению этой проблемы возможен на базе разработанной В. С. Нерсесянцем либертарной концепции права, в рамках которой под сущностью права понимается формальное равенство, раскрываемое как единство трех составляющих: всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости². В концепции В. С. Нерсесянца понимание права как меры свободы смыкается с трактовкой права как формы справедливости, обеспечивая *синтез свободы и справедливости на базе и в границах права*. При этом справедливость предстает не как нравственная категория, отражающая те или иные партикулярные в своей основе представления об общем благе, а как всеобщее формально-правовое начало, которое возвышается над «партикуляризмом факти-

ческого... и оценивает это фактическое формально-равным, а потому и одинаково справедливым для всех мерилом»³. Данный подход не исключает правового характера так называемой социальной справедливости, если в своей перераспределительной функции она не выходит за рамки правовой компенсаторности (в противном случае перераспределение в пользу слабых нарушает правовое равенство и приобретает характер привилегии)⁴.

В контексте такого подхода свобода человека предстает как его возможность воспользоваться своими правами в меру личных волевых усилий, то есть в меру реализации человеком его сущности как разумного существа, обладающего свободной волей, когда эта воля не деформирована привнесенными обстоятельствами, связанными с давлением чужого произвола или с социобиологической слабостью самого индивида. Это не означает, что правовая норма утрачивает присущий ей всеобщий характер. Просто в результате все большей дифференциации правового регулирования в зависимости от степени социальной незащищенности тех или иных слоев общества (что является следствием демократизации политической жизни) сужаются границы, в которых норма имеет всеобщий характер, но суть права как всеобщей меры свободы при этом не меняется. Таким образом, идея бесконечности человеческой личности, которая, как писал В. С. Соловьев, «есть аксиома нравственной философии»⁵, получает адекватное правовое воплощение.

¹ О «русской идее» в ее соотношении с «римской идеей» см.: Межуев В. М. Россия в диалоге с Европой. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4797.htm>

² Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 30–47.

³ Там же. С. 47–48.

⁴ Там же. С. 31–32, 509.

⁵ Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996. С. 202.